
ЛИТЕРАТУРА XX–XXI вв.

Русская литература

УДК: 82.0+821.161.1+82–6

DOI: 10.31249/lit/2024.04.10

РУСАНОВА М.М.¹ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ» СТРАТЕГИИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОБЫТИЙ 1917 г. В ДНЕВНИКАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ[©]

Аннотация. В статье анализируются личные записи 1917–1920-х годов С.П. Каблукова и М.М. Пришвина, двух авторов дневников, близких по социальному положению, с одинаковым кругом общения. В фокусе исследования оказывается малоизученный пласт их дневников – реминисценции из произведений художественной литературы в контексте способов концептуализации временного «разрыва» 1917 г. Следуя семиотической концепции Ю.М. Лотмана и принципам анализа рецептивной эстетики, автор определяет стратегии переосмысления исторического прошлого и данного в конкретно-бытовом опыте настоящего с помощью литературы. Выясняется, что в обоих случаях литература выступает и в качестве одного из культурных языков для описания различных аспектов действительности и как потерпевший крушение общественно-политический проект. Последнее предполагает переоценку роли литературы для социальной жизни страны. Анализ литературных элементов в дневниках показывает, что Каблуков, меняя отношение к настоящему, идеализирует прошлое. Пришвин видит в структурах сменяющих друг друга эпох равнозначность; для не-

¹ **Русанова Марфа Максимовна** – аспирант кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета; <https://orcid.org/0009-0002-3888-6567>; st055030@student.spbu.ru

© Русанова М.М., 2024

го особенно важны категория индивидуальности и категория настоящего момента.

Ключевые слова: революционная эпоха; концептуализация временного разрыва; эго-документы; культурный язык; функция литературы.

Для цитирования: Русанова М.М. «Литературные» стратегии концептуализации событий 1917 г. в дневниках революционной эпохи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2024. – № 4. – С. 142–163. – DOI: 10.31249/lit/2024.04.10

Поступила: 30.04.2024

Принята к печати: 30.07.2024

RUSANOVA M.M.¹ “Literary” conceptualization strategies of 1917 events in the diaries of the Revolutionary time[©]

Abstract. The article analyzes revolutionary time dairies by S. Kablukov and M. Prishvin, two diarists with a similar social status and a social circle. The focus of the work is understudied literary reminiscences in the context of conceptualization of the temporary 1917 “gap”. Following the semiotic tradition by Yu. Lotman and the principles of reader-response criticism, the article determines reflection strategies on the historical past and the present given in the concrete everyday experience through literary reminiscences. It is found out that in both cases literature plays the role of one of the cultural languages as well as a collapsed socio-political project. The second function led to the revaluation of the role of literature for social life. Kablukov idealizes the past with changing his attitude to the present through literature. Prishvin finds the equivalence in the structures of the successive epochs; he values the categories of individuality and present moment.

Keywords: revolutionary time; time gap conceptualization; ego-documents; cultural language; function of literature.

To cite this article: Rusanova, Marfa M. “‘Literary’ conceptualization strategies of 1917 events in the dairies of the Revolutionary time”, Social

¹ **Rusanova Marfa Maksimovna** – graduate student of the Department of History of Russian Literature of St. Petersburg State University; <https://orcid.org/0009-0002-3888-6567>; st055030@student.spbu.ru

© Rusanova M.M., 2024

sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 4, 2024, pp. 142–163. DOI: 10.31249/lit/2024.04.10 (In Russian)
Received: 30.04.2024 Accepted: 30.07.2024

«Само время треснуло» – такую запись М.М. Пришвин сделал в тюремной камере в 1918 г. [Пришвин, 2008, с. 70]. «Раскол времени» после Октябрьской революции часто оценивался современниками в диаметрально противоположных категориях. У многих революция стала точкой отсчета для возникновения нового устремленного в будущее мира, и даже в известной революционной «безытности» и крахе привычного уклада жизни виделся карнавал с его витальной силой обновления¹. Другие очевидцы событий осмыслили происходящее сквозь эсхатологические образы². Те, кто усматривал в происходящем конец времен, в попытках понять или описать причины исторического разлома часто обращались к русской литературе. Историки уже давно фиксируют в дневниках и публичных высказываниях интеллигентов этого времени обвинения русской литературе в том, что она «убила Россию» [Розанов, 2000, т. 12, с. 43], создав идеализированный образ народа³; подобный образ, по мнению современников революции, поддерживал ложную картину ценностей, приведшую к краху привычного мира. Это им, однако, не мешало активно использовать литературные образы для описания настоящего⁴; в то же вре-

¹ См. об этом, например, в монографии Н.А. Гуськова [Гуськов, 2003, с. 29–32].

² Традиционно восприятие революционного времени в апокалиптических мотивах изучается на примере обращений современников 1917 г. к христианской образности. При этом подчеркивается ее амбивалентность (конец старого мира и начало нового). Довольно развернуто, например, об этом говорит Р. Вильямс [Williams, 1995]. Такие наблюдения встречаются и в работах о творчестве Пришвина, см. хотя бы: [Борисова, 2018, с. 17–18].

³ У И.А. Бунина в «Окаянных днях» находим: «...вскормлены, вспоены той самой литературой, которая сто лет позорила буквально все классы <...> за исключением какого-то “народа”, – “безлошадного”, конечно, – “молодежи” и босяков» [Бунин, 2006, т. 6, с. 304].

⁴ Например, З.Н. Гиппиус после цитаты из тургеневского стихотворения в прозе «Конец света» записывает: «Да и нету там, за окнами, ничего. Тьма, тишина, холод, пустота» [Гиппиус, 1982, с. 69]. Схожую картину увидим в дневниках М.М. Пришвина, С.П. Каблукова.

мя русские писатели объявлялись пророками, которые предвидели «все духовные основы и движущие пружины русской революции» [Бердяев, 1990, с. 57]. Думается, что для объяснения подобных противоречий необходим более пристальный анализ конкретных текстов. На примере дневников двух авторов, М.М. Пришвина и С.П. Каблукова, попытаемся очертить способы концептуализации революционных изменений с помощью отсылок к художественной литературе. Литературные образы интенсивно использовались в рефлексии русского интеллигента и в XIX в., однако, по Ю.М. Лотману, в определенные исторические периоды актуализация тех или иных произведений приоткрывает самопонимание общества, которое к ним обращается [Лотман, 1992, с. 201–202]. Мы не сможем здесь подробно объяснить выбор авторами дневников определенных произведений и описать нюансы трансформации элементов художественного текста в документальном. Однако мы попытаемся определить функцию литературы в контексте восприятия пишущими новой реальности, ее роль в осмыслении наступивших изменений. Литература или литературные реминисценции в дневниках будут пониматься нами широко, что позволит определить, однородны ли они по своим задачам: это и цитаты, и отсылки, и имена героев, писателей, и рассуждения о судьбе литературы. В рамках нашего анализа мы будем обращаться к тем аспектам изменения реальности (часто это темпоральные категории), которые важны для самих авторов записей. Надо сказать, что роль литературных реминисценций в осмыслении революционных событий очевидцами, по нашим данным, отдельно не изучалась¹. Однако она связана с другой темой, намного более разработанной: образом художника в творчестве Пришвина². Еще одна связанная с нашей проблематикой тема – отражение повседневности в дневни-

¹ Исключения составляют комментарии Я.З. Гришиной и В.Ю. Гришина, в которых описываются повторяющиеся в дневниках Пришвина литературные образы, однако исследователи не ставят перед собой задачу определить их источник и функции в тексте дневника. Например, см. комментарии к истории образа народа-сфинкса: [Пришвин, 1995, с. 298].

² Эволюция взглядов Пришвина на роль писателя проанализирована в статье А.В. Святославского [Святославский, 2018, с. 21–23]. Эта тема становится сквозной, на наш взгляд, и для диссертации Е.Ю. Кнорре [Кнорре, 2019], на отдельные фрагменты которой мы будем в дальнейшем ссылаться.

ках революционного времени. В случае с Каблуковым мы будем опираться на разработки Е.М. Криволаповой, подготовившей его дневники к публикации (см.: [Каблуков, 2009]; [Каблуков, 2012]). Среди исследований о Пришвине важными работами, описывающими образ революционной действительности в концептуальных построениях писателя, для нас стали статьи Н.В. Борисовой, А.Н. Варламова, Е.Ю. Кнорре, А.М. Подоксенова (см. список литературы ниже), а также общие работы по рецепции революционной повседневности (статьи Н.А. Лебиной, В.Б. Аксенова, отчасти М.Б. Могильнер).

Дневник Пришвина ранее сопоставлялся, прежде всего, с дневниковыми впечатлениями от революционных событий И.А. Бунина¹, философские построения писателя вводились в более широкий контекст идей как его современников, так и мыслителей прошлого. Сопоставление же записей Пришвина и Каблукова (людей «розановского круга») было сделано только Е.М. Криволаповой. Исследовательница подчеркивает, что эти авторы во многом задавались теми же вопросами о поле, браке и семье, что и В.В. Розанов, «дневниковое сознание» философа также могло вдохновить их на ведение собственных записей [Криволапова, 2013, с. 8–9]. Учитывая этот факт, мы в то же время делаем акцент, прежде всего, на общем социальном круге авторов. В рамках данной работы мы не сможем вписать результаты в более широкий исторический контекст, но наметим такую возможность.

Цели и манера ведения дневниковых записей у двух авторов разные, но в их «портретах» (образах повествователей) есть некоторые сходства. Дневники С.П. Каблукова (1881–1919) в научной литературе обычно называют отражением «сознания обычного русского интеллигента». Основные свидетельства о его недолгой жизни можно получить из не очень объемных 49 тетрадей. Автор нескольких статей по религиозной музыке, учитель математики, он тем не менее не стал публичной личностью. Каблуков довольно сдержанно говорит о себе: для него важно вести летопись эпохи².

М.М. Пришвин (1873–1954) к 1917 г. – хоть и не писатель первого ряда, но автор с собственным стилем и мировоззрением,

¹ См., например, статью А.М. Подоксенова: [Подоксенов, 2005].

² Так обобщает интенцию Каблукова Криволапова [Каблуков, 2012, с. 182].

не причисляющий себя к конкретным течениям современной ему литературы. Его дневник – титанический труд, охватывающий многие десятилетия XX в. Образы Пришвина могут курсировать из его личных записей в художественную прозу и обратно, и, конечно, для него дневник – это и способ саморефлексии и писательская лаборатория. В то же время собственная его характеристика порой содержит черты «маленького человека»: «Я же был настоящим прозелитом, рядовой овцой в этом стаде, и мои замечания должны объяснять психически широкие массы народа» [Пришвин, 2008, с. 100]¹. Конечно, это только часть его саморепрезентации, он также ощущает себя писателем, рассуждая о судьбе литературы и сути творчества, и человеком своего класса («потомок радостного лавочника (испорченный пан)» [Пришвин, 2008, с. 386]²). При этом авторы обоих дневников, по замечаниям их биографов, очевидно, предполагали последующую публикацию своих записей.

Круг общения обоих дневниководов практически один и тот же. Еще в 1909–1913 гг. Каблуков исполняет обязанности секретаря Религиозно-философского общества в Петербурге, и тогда, и позднее он поддерживает общение с Мережковскими и с большинством старших символистов. К 1917 г. Пришвин от них уже отдалился: он прошел этап, когда «вплотную подошел к декадентству» [Пришвин, 2008, с. 100], имел продолжительные, но сложные отношения с В.В. Розановым.

В вопросах религии находим, скорее, различия. Каблуков – глубоко верующий христианин. Размышления Пришвина о вере изменчивы, но в целом, даже соотнося себя с христианством (часто метафорически), он не практиковал его в традиционных формах. Писатель также с интересом, но с позиции, по выражению его биографа, «наблюдателя» исследует учение и жизнь религиозной секты хлыстов [Варламов, 2021, с. 89].

И Пришвин и Каблуков идеологически не принимают Октябрьскую революцию, но идут к этому разными путями. К моменту начала революционных событий Пришвин уже давно «осво-

¹ Такую характеристику дает себе Пришвин, описывая свой отход от идей большевизма.

² Это отчасти ироничное замечание сделано после рассуждения о классовой принадлежности Бунина.

бодился от большевизма» [Пришвин, 2008, с. 100]. Не принимая ни марксистский проект революции, ни сектантское мировоззрение за их сосредоточенность на идеях и уход от личности, Пришвин, как и некоторые его современники, сближает эти два явления¹. Революция застала его в тот момент, когда писатель сотрудничал с газетой правых эсеров «Воля народа»; в разгар событий он пишет статью о Ленине «Убивец!»². Каблуков – противник царской власти и либерал, весьма резкий в суждениях и поступках³, сам себя он называет радикальным либералом, и в то же время говорит, что его взгляды очень схожи с позицией А.В. Карташёва, который с февраля 1917 г. входил в правое крыло партии кадетов [Каблуков, 2009, с. 164]⁴. При этом в 1917 г. взгляды Каблукова трансформируются. Сначала Февральская революция стала для него надеждой на лучшее. Он передает известие о прекращении царствования Романовых в таких словах: «Внутренний враг, даст Бог, побежден» [Каблуков, 2009, с. 158]. Но довольно скоро, наряду с недовольством действиями «архиинтеллигентского» Временного правительства, в дневнике появляется слово «хам» для обозначения заявлений пролетариата (сделать юридическое образование необязательным для сенаторов), грабежей, празднеств и новой («хулиганской») народной поэзии [Каблуков, 2009, с. 162, 165–166, 168].

Кроме того, в изучаемые нами годы (1917 г. в дневнике Каблукова и 1920 г. в дневнике Пришвина)⁵ оба героя близки по социальному статусу – работают в школе. Каблуков и до революцион-

¹ Схожее отношение Пришвина к революции и к сектантству эксплицирует в своей монографии «Хлыст: секты, литература и революция» А. Эткинд [Эткинд, 2013, с. 485–486].

² Как замечали ранее исследователи, Пришвин характеризует Ленина словами, обращенными в «Преступлении и наказании» к Раскольникову эпизодическим персонажем (ч. 3, гл. VI).

³ Резкие черты характера Каблукова отмечает Криволапова [Каблуков, 2012, с. 183, 188].

⁴ В его записях проглядывает неприязнь и к черносотенцам и к коммунистам [Каблуков, 2009, с. 161].

⁵ В эти годы наиболее часто в дневниках Пришвина и Каблукова появляются литературные образы, именно тогда наиболее интенсивно эти авторы осмысливают процесс революции.

ных событий 1917 г. преподавал математику в петербургской гимназии, для Пришвина же этот опыт нов¹.

Говоря о литературных образах в дневниках Каблукова, надо отметить изменившиеся представления о времени в его записях революционных лет. Негативное отношение к настоящему постепенно проявляется во всех пластах дневника (и в обсуждении политики, и в описаниях повседневности). Оценку политических и общественных событий Каблуков может выражать в развернутых и кратких суждениях (часто в виде подписей к газетным вырезкам: «А такое родил Хам революции» [Каблуков, 2009, с. 162]). Повседневность для него утрачивает свои привычные основы: в описании города повторяются мотивы грязи и разложения². Те же образы становятся и метафорой неудачных революций 1905 и 1917 гг. [Каблуков, 2009, с. 172–173].

Вскоре возникает противопоставление сформировавшегося негативного образа настоящего и утраченного прошлого (и повседневного и времени исторических событий). Нормальная³ жизнь теперь связана с дореволюционным периодом. Так, в записях есть общее для того времени место о разрухе, царящей в Летнем саду. Однако Каблуков не только это фиксирует, но и помещает в плоскость исторического времени, веками в котором становятся персо-

¹ Интересно, что писатель работает в той же елецкой гимназии, в которой когда-то учился ребенком. Здесь он преподает литературу, совмещая это занятие, по заданию местных властей, с поездками по оставленным помещичьим имениям для спасения книг.

² Мы обозначили лишь некоторые аспекты изменения повседневности из множества: иногда Каблукову приходится отпускать с уроков учеников, он переживает попытки срыва уроков, забастовки [Каблуков, 2009, с. 193]. Любителю музыки и театрал (в неопубликованных частях его дневника обнаруживаем множество театральных программ и билетов; см., например: ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 39. Л 28 а, 29 а и др.), скорее всего, он столкнулся с теми же проблемами, что и остальные жители Петрограда: закрытие театров в феврале, новый эпатазирующий репертуар [Аксенов, 2002, с. 162, 170–173]. В городской жизни он не фиксирует изменения в снабжении города, перебои в работе транспорта.

³ Н. Лебина называет изменение в повседневных практиках и способах социально-бытового существования в советское время инверсией [Лебина, 2015, с. 9] (дореволюционной нормой была сытость, но не голод и т.д.). По-видимому, это противопоставление у Каблукова также соединяется с категориями «прошлое (норма) – настоящее (не норма)».

налии: «Больно видеть наш Летний сад с помятыми лужайками, грязными не подметенными аллеями, изуродованными статуями. А ведь он – место гулянья Пушкина и русских императоров, начиная с Петра до Александра II» [Каблуков, 2009, с. 169].

Другой способ более обобщенного противопоставления настоящего и прошлого: библейские мотивы («Творится последний Божий Суд над опаскудившейся Россией» [Каблуков, 2009, с. 175]).

Образу старой «чистой» и «святой» Руси противопоставлена новая «разбойная», «паскудная», «воровская» Русь [Каблуков, 2009, с. 172–173] (ценность теперь представляет не будущее, а прошлое или его воскрешение)¹. Подобные способы репрезентации настоящего весьма схожи с его осмыслением в поэтических образах и по сути (отрицательное отношение к происходящему с опорой на авторитеты) и по форме (повторение простонародного бранного «паскудный»): «Некогда Андрей Белый в “Пепле” описывая деревенскую Русь наших дней, довоенного времени, с ужасом заклинал: “исчезни в пространство, исчезни, Россия, Россия моя!” Ныне не исполняется ли его заклятие? Не должно ли “растлится” нынешняя Россия, Русь паскудная» [Каблуков, 2009, с. 176] (запись от 2 октября 1917 г.).

Неизменной же мерой времени в быстро изменяющейся политической жизни России и утратившей норму бытовой повседневности становится православный календарь. Каблуков скрупулезно записывает под каждой датой имена святых, которые поминаются в этот день, и церковные праздники², сверяя свою жизнь с циклическим временем.

Конфликт между образами литературы как «убийцы России» и как «пророчицы» возникает, когда автор дневника обращается к ней как к части социально-политического процесса и как к «языку» образованного сословия. Упреки, к ней обращенные, практически идентичны по тональности и лексике тем, что адресованы группам «интеллигентных либералов и радикалов “цензовиков”»;

¹ Надо отметить, что концепт «святая Русь» переживал много модификаций за свою историю. Он перемещался между религиозной, философской и политической плоскостями.

² По понятным причинам эти объемные записи не включены Е.М. Криволаповой в издание дневников.

одно обращение перетекает в другое: «Не поздно ли однако вопить и каяться? Не пожинаем ли то, что посеяли сами?» [Каблуков, 2009, с. 176]. Так, Каблуков использует здесь местоимение «мы», обращаясь одновременно к своим современникам, подготавливавшим, по его мнению, «либеральную» революцию (Д.С. Мережковский, Д.В. Философов, А.П. Философова), к предшественнику (А.Н. Радищев) и к самой литературе XIX в. Соединяя фигуры разных эпох, он опровергает собственную картину мира: «Начиная Радищевым, кончая Мережковским и либеральным баринлом Философовым с красавицей Анной Павловной <...> все, все готовили это, звали к этому, жаждали, вождели этого» [Каблуков, 2009, с. 176]. Выстраивая ряд персоналий, «виновных» в совершающихся бесчинствах, Каблуков перестает различать большевистскую революцию и другие политические движения прошлого за раскрепощение страны. На авторитет этих имен, скорее, ориентировался сам Каблуков, чем вожди революции. Тем более что указанные им современники (Мережковский и Философов) сами не приняли Октябрьскую революцию.

Отождествляя любую революционную идею с наступившим хаосом настоящего, он дает новое представление об исторических причинно-следственных связях («Не Некрасов, но Достоевский»): «Подлинным-то “пророком русской революции” и оказался затравленный либеральными хамами вроде Некрасова Достоевский, справедливо сказавший: “Белинский и вся эта сволочь – это было самое смрадное, низкое и позорное явление русской жизни”» [Каблуков, 2009, с. 178–179]¹. Сознательно или нет, Каблуков придает символическое значение фигурам двух классиков русской литературы: Некрасов воплощает идею освобождения народа как

¹ Возможно, называя Достоевского «подлинным пророком русской революции», Каблуков вступает в спор со статьями-откликами на первую русскую революцию и одновременно на юбилей смерти писателя. В них выражены сомнения по поводу верности пророчеств Достоевского, см.: «Пророк русской революции (К юбилею Достоевского)» (1906) Д.С. Мережковского и «Достоевский и революция (По поводу двадцатипятилетия со дня смерти Достоевского)» (1906) Г.И. Чулкова. Спор здесь идет в большей мере именно с Мережковским: в его эссе, так же как и у Каблукова, приведена неточная цитата о Белинском из письма Ф.М. Достоевского Н.Н. Страхову от 18 (30) мая 1871 г. [Достоевский, 1986, т. 29, кн. 1, с. 215].

движения к прогрессу, Достоевский – представление о революции как о регрессе. В такой картине мира (по крайней мере в рамках такого повествования) оказывается, что неожиданного «исчезновения России» не было; Каблуков приходит к выводу о своем неправильном взгляде на историческое развитие до революции; лишь после ее наступления открывшийся хаос оказывается в его глазах закономерным.

Подкрепляя концепцию, в которой настоящее укоренено в прошлом, Каблуков продолжает обращаться к литературным примерам. Теперь ими становятся не просто стихотворения о «конце времен», как в случае с Белым, но произведения политически ангажированные, вписанные в социально-политические дискуссии своего времени. Так, Каблуков пространно цитирует антинигилистические поэмы А.К. Толстого «Поток-богатырь» и «Пантелей-целитель», его же сатирическую балладу «Порой веселой мая...». Выбранные Каблуковым места и подчеркнутые им слова стихотворений изображают (в представлении автора дневника) утопические проекты русской демократической мысли 1960-х годов. Для Каблукова, по-видимому, эти строки поэм раскрывают сущность выражения «революционный хам»: «И приемы у них дубоватые / И ученье-то их грязноватое» [Каблуков, 2009, с. 201]. Созвучными, очевидно, его собственным мыслям оказываются и рассуждения кадета Петра Рысса¹ в статье, вырезку из которой находим в тетради. В ней отдельные идеи героев «Бесов» Достоевского и сами они соотносятся с большевистским движением².

Итак, если с помощью образов из религиозных текстов и образов художественной литературы Каблуков описывает наступивший хаос, то «пересмотр» литературных имен свидетельствует о кардинальной смене политических взглядов автора: «Из радикал-демократа я стал приверженцем самодержавия царского» [Каблуков, 2009, с. 199]; «Вместе со многими друзьями я не был другом самодержавия. Теперь, когда осуществляется пророчество графа

¹ В эмиграции П.Я. Рысс (1870–1948) предпринял также попытку осмыслить революцию в труде «Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции» (Париж, 1921).

² Печатный орган, в котором опубли. ст. П.Я. Рысса, нами пока не обнаружен; Е.М. Криволапова в своей публикации также, к сожалению, не приводит эти сведения.

Алексея Толстого в “Потоке-богатые” – <...>» (далее следует цитата из А.К. Толстого, которая подтверждает мысль о пагубности власти в руках «черного народа») [Каблуков, 2009, с. 200]. Подчеркнем, что перемена происходит в отношении ангажированных авторов и произведений, которые «выведены» из поля эстетической оценки¹, они отождествляются с общественно-политическими группами. За этими изменениями стоит и переход (если не реальный, то декларируемый) в другое сообщество, которое обозначено, как мы видели, именами и исторических лиц и современников².

Другой временной «стержень» дневника, религиозный календарь, не подвергается переоценке («Прежде всего я осознал правоту православия и свою органическую связь с ним» [Каблуков, 2009, с. 199]).

Дневник Пришвина за 1920 г. содержит больше литературных реминисценций, чем предыдущие его записи. Если во время событий 1917 г. и после ареста 1918 г. писатель стремится фиксировать происходящее во внешнем мире, то после отъезда из Петрограда вдали от «столичной» революции он все более пишет о новой реальности, обращаясь к литературным аналогиям. К этому времени он уже лишился своего имения, приобрел опыт наблюдения за последствиями революции в провинции. В его «зарисовках» постоянно появляются мотивы неизвестности и отсутствия будущего: «В Ельце масса распределяется <...> разоренное имение, овраги, полоумные люди, которые буквально хватают за края вашей одежды, спрашивая, что же будет дальше» [Пришвин, 2008,

¹ Каблукову совсем не чуждо эстетическое восприятие литературы. Так, например, он говорит о литературных вкусах О.Э. Мандельштама вскоре после знакомства: «...я полюбил его за чуткость и тонкость переживаний» [Каблуков, 1990, с. 241]. Списки прочитанного, которые Каблуков продолжает вести, также не свидетельствуют о глубоких эстетических переменах. Его все так же в основном интересуют книги современников (символистов, футуристов и т.д.), исторические, религиозные, философские сочинения, см.: ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 47. Л. 239; ОР РНБ. Ф. 322. Ед. хр. 39. Л. 103 и др.

² Не случайно записи за 1917 г. завершаются заметкой об отдалении от Мережковских (31 декабря 1917) [Каблуков, 2009, с. 199]. Отметим также, что не любое прошлое стало для Каблукова идеальной моделью. Вне метафорического и риторического уровней Каблуков считает большевистский строй новым феодализмом (это синоним отсталости для автора) [Каблуков, 2009, с. 201].

с. 86]. Если у Каблукова в его дневнике обнаруживаем знакомство с «религиозной» моделью времени, то у Пришвина видна, скорее, «индивидуальная». Н.В. Борисова, анализируя «темпоралистику Пришвина», описывает концепцию, в которой «молниеносное время революции» не совпадает с «телячьим» временем истинного бытия [Борисова, 2018, с. 20].

В дневнике Пришвина не наблюдается резкого идеологического разрыва, подобного тому, что мы видели у Каблукова. Скорее, в нем проявляется стремление к уравниванию различных взглядов. Так, он повторяет мысли, которые сводятся к тезису: «Революционер и контрреволюционер – одинаковы, у всех рыльце в пушку» [Пришвин, 2008, с. 369].

В 1918 г. в его записях наступившая реальность предстает в образе темноты; явление этой тьмы не может объяснить и религия (эта «темнота», впрочем, может скрывать новое начало)¹: «Мы не спасены прошлым страданием, с прошлым оборвана всякая связь <...> В настоящем не видно лица человека <...> потом будут рассказывать и учить, что распят был Бог, но теперь свершилось и нет ничего: живи, как хочешь» [Пришвин, 2008, с. 70] (30 марта, 1918).

Такое обобщенное восприятие реальности вне временных категорий проявляется в обращении не только к религиозному дискурсу, но и к образам «Бесов». Так, Пришвин делает выписку, предвещающую рассуждения о судьбе культуры: «Из “Бесов”: “Ничего не будет и проваливаться, а просто все растечется в грязь”»² [Пришвин, 1995, с. 14]. Этой фразе Кармазинова в разговоре с Верховенским («Бесы», ч. 2, гл. 6) предшествуют рассуждения персонажа о скором «падении» Европы. Он сравнивает его с падением Вавилона из Апокалипсиса (Откровение Иоанна Бого-

¹ Мотив темноты здесь выполняет ту же функцию, что и мотив «завесы» в «усадебном мифе» Пришвина, который анализирует Е.Ю. Кнорре [Кнорре, 2023, с. 181, 185–186]. Темнота, как и «завеса», отделяет мир «я» от внешнего мира, однако темнота в большей мере соотносится у Пришвина с революционными, сиюминутными изменениями, чем с онтологическими основаниями мира, как в случае с мотивом «завесы».

² Неточная цитата; у Достоевского в романе: «...у нас в России и рушиться нечему, сравнительно говоря. Упадут у нас не камни, а все расплывется в грязь. Святая Русь менее всего на свете может дать отпору чему-нибудь» [Достоевский, 1974, т. 10, с. 287].

слова, гл. 18) за грехи, творящиеся в городе. Кармазинов заявляет, что Россия не удостоится и такого исчезновения, ведь в ней и «рушиться нечему».

При этом Пришвин не только обращается к «апокалиптическому» пласту романа, но и пространно цитирует фрагменты, тематически связанные с образом неизвестного будущего. Например, сентенцию повествователя («Бесы», ч. 3, гл. 7) о большой дороге и подорожной [Пришвин, 1995, с. 16].

В описании повседневности и политического строя Пришвин не использует противопоставления прошлого и будущего. Однако мы находим у него противоречие между ценностями культуры прошлого и наступившим хаосом. Примечательно, что, как и у Каблукова, выражение отрицательного отношения к предыдущему развитию литературы и культуры сопровождается местоимением «мы»: «Мы жили, уговорившись между собою в известном числе правил, которые принимались школьными учителями за весь мир и вбивались в головы учеников, эти правила были следующие (сумма их – культура)»¹ [Пришвин, 1995, с. 14] (24 января, 1920).

Вместе с тем литература и культура все еще отождествляются с возможностью спасения: «И так земля вся разорена, мы еще можем теперь прислониться к вождям нашей культуры, искать защиты у них, ну, Толстой, Достоевский? ну, Пушкин?» [Пришвин, 1995, с. 17].

Настоящее время, в котором «не видно лица человека», также осмысливается в образах «сбывшегося пророчества» Достоевского. Как и во многих дневниках его современников в записях Пришвина встречаются не только сравнения революций с абстрактным образом нечистой силы, но и конкретное соотнесение персонажей с реальными общественно-политическими деятелями: глава хлыстовской секты – со Ставрогиным и Петром Верховенским, Н.А. Семашко – с Шатовым, современный тип эмигранта и уголовника – с Иваном Карамазовым, уголовник же – со Смердяковым, Ленин – с Раскольниковым, Иваном Карамазовым или Смердяковым; молодой ленинец, пришедший в школу Пришвина, – с бесенком и др.

¹ О каких именно «школьных» правилах идет речь, Пришвин не уточняет.

Из концептуальных решений писателя, основанных на таких литературных параллелях, можно выделить два – центральных. Первое из них созвучно его собственным мыслям о роли художника. «Спасенного» от бесов (т.е. от революционеров) Пришвин находит в образе Шатова, обретшего личное счастье с женой [Пришвин, 1995, с. 17]. Развивая мысль о личном счастье и личном творчестве, Пришвин противопоставляет их ценностям революционера, который «существует, как представитель будущей совершенной во всех отношениях среды» [Пришвин, 1995, с. 17]. Важным кажется, что писатель не ставит знака равенства между миром романа Достоевского и современной реальностью, но обращается к произведению как к опыту прошлого («прежние революционеры»): «Русский человек отпускается самими революционерами (прежними) в тот момент, когда он становится художником» [Пришвин, 1995, с. 17].

Другое его решение – ожидание будущего спасения: «Хорошо тому больному, бес которого покинул последнего, а каково тому, кого бес этот покинул Бог знает еще когда и ему надо сидеть так дожидаться <...>» [Пришвин, 1995, с. 17]. Как и его современники¹, Пришвин обыгрывает эпиграф «Бесов» (история исцеления Иисусом бесноватого в Евангелии от Луки) [Пришвин, 1995, с. 16]. Надежда на такого рода исход строится на основе и другого тематически важного для эпохи произведения, в центре которого оказывается образ народа, – стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Сфинкс». «Выявляя» схемы «развития истории» (своего рода проекты будущего) в художественных произведениях и соотнося их с современностью, Пришвин создает свои собственные образы грядущего – зеркальные по отношению к ранее найденным им «схемам».

Так, с 1917 г. на страницах дневника начинает повторяться образ народа-сфинкса², который скоро будет разгадан [Пришвин,

¹ Схожее сравнение с героями Достоевского находим, например, у А.И. Шингарева, члена Временного правительства, кадега, публициста и врача. Запись сделана в заключении незадолго до смерти: «Только скоро ли бесноватые исцелятся и бесы ринутся в стадо свиней?» [Шингарев, 1918, с. 17]. Подобные сопоставления находим и в некоторых других дневниках.

² У Тургенева уподобление России сфинксу в первый раз встречается в письме к П. Виардо (1850). Это, в некотором роде, сквозной образ его творчества.

2008, с. 256]. Раскрытие тайны соотносится с революционным развитием. Образ дореволюционного народа «корректируется»: сфинксом оказался не крестьянин, а шахтер с револьвером. Затем образ шахтера соотносится с действующими лицами современного исторического процесса и частной жизни писателя (новым Эдипом становится Гроднер – заведующий народным хозяйством в Ельце) [Пришвин, 1995, с. 32].

По аналогии с предыдущим образом (пробуждение «сфинкса-шахтера») писатель связывает будущий виток истории с надеждой на восстание «сфинкса-интеллигенции», нового деклассированного класса. Способы достижения такой «победы» не сообщаются, писатель останавливается на том, что объявляет интеллигенцию носителем особых ценностей («ему (Гроднеру. – М. Р.) никогда не понять сфинкса-интеллигенции: свободы, творчества, личности» [Пришвин, 1995, с. 32]), которые необходимо сохранить до лучших времен. При этом конфликт между неверным представлением об историческом развитии, в центр которого литература помещала образ «сфинкса-народа», и наступившей реальностью также устраняется с помощью отождествления себя с новым «молчащим» меньшинством: «Я живу в недрах нового сфинкса, молчащей интеллигенции...» [Пришвин, 1995, с. 33]. Наши наблюдения над литературными реминисценциями в дальнейшем необходимо сопоставить с общей мировоззренческой концепцией писателя. Сейчас лишь скажем, что в этом случае они вписываются в его картину мира, для которой характерны границы

В то же время М.П. Алексеев и Н.В. Алексеева предполагают, что стихотворение в прозе «Сфинкс» (1878) генетически восходит к «Былому и думам» (1852–1868) А.И. Герцена, писавшего о «неразгаданном сфинксе русской жизни» [Алексеев, Алексеева, 1982]. В гл. XXX, ч. 4 Герцен соединяет этот образ с политическими и общественными исканиями западников и славянофилов. На этом фоне «Сфинкс» Тургенева выделяется тем, что загадка сфинкса и сам этот образ связываются не с общественно-политическими объединениями (как у Герцена) и не со страной в целом (как в письме самого Тургенева), но с сословием внутри страны: сфинкс – «мужик» (крестьянство). Приведем и другой пример, Достоевский в 1861 г. использует этот образ, противопоставляя Россию и Запад: «Для Европы Россия – одна из загадок Сфинкса» [Достоевский, 1993, т. 11, с. 12]. Как видим, сравнение Пришвина «шахтер – сфинкс» (см. далее) ближе тургеневскому «крестьянин – сфинкс», где также присутствуют мотивы «немоты», образ безгласной части страны.

между внутренним и внешним, социальным и духовным и т.д. Е.Ю. Кнорре, например, анализируя отношение писателя к внешнему миру, говорит об особой границе между «его» и «Божьим миром» у Пришвина [Кнорре, 2023, с. 181]. Исследовательница приходит к выводу о том, что в 1917 г. «тема утраты “мира” как особого чувства “мы” коррелирует с ключевой для Пришвина темой утраты града Китежа – “России личной”» [Кнорре, 2017, с. 251]. В это время он видит в революции начало, несущее разрушение для всего личностного, индивидуального. Кнорре эксплицирует концепцию «мы» Пришвина, согласно которой субъект должен перейти от рационального восприятия к «сердечному», от внутренней аскезы к укреплению связей между людьми¹.

Позднее свою концепцию связи между культурами разных периодов, о которой он, видимо, размышлял на примерах из Достоевского и Тургенева, писатель оформит более отчетливо: «Культура – это мировая кладовая прошлого всех народов, и того именно прошлого, которое входит в будущее и не забывается...» [Пришвин, 1995, с. 106] (13 ноября, 1920).

Подобные соотнесения примиряют автора с действительностью, снимая драматичность «перелома» истории. В произошедших изменениях видится знакомое; более того, новый мир оказывается лишь перевертышем старого («Когда вдумываешься в Достоевского, то ничего не остается неожиданного в современности» [Пришвин, 1995, с. 24]): «Можно теперь сказать так: старая государственная власть была делом зверя во имя Божие, новая власть является делом того же зверя во имя Человека. Насилие над обществом совершается в одинаковой мере, только меняются принципы, имена» [Пришвин, 1995, с. 40] (18 марта, 1920).

Мы остановились лишь на двух способах концептуализации временного «разрыва» с помощью обращения к художественной литературе. Как было видно даже из приведенных примеров, литературные образы отражают негативное отношение пишущих к происходящему, в том числе помогают им обобщить впечатления от «распада времен». С этой точки зрения, продолжая пользоваться литературной образностью, авторы лишь обращаются к знакомому им культурному языку и историческим аналогиям. Однако

¹ См. также ст.: [Кнорре, 2015].

противоречие в отрицательном и положительном статусах литературы (и культуры) становится заметным, когда литература предстает в роли системы ценностей определенного сообщества. Проект освобождения народа и вера писателей либерально-демократического направления в прогресс оказываются скомпрометированными в глазах тех, кто революцию не принял, а литература становится «виновницей» произошедшего¹.

Каблуков, переживая кризис несбывшихся надежд на революционные изменения, перестает отождествлять себя с сообществом, которое он условно обозначает именами Радищева, Белинского, Некрасова, и к которому теперь причисляет Мережковского. Теперь он находит ответ в произведениях Достоевского и А.К. Толстого. Интересно, что при этом ценность субъекта как носителя определенных взглядов практически нивелируется в глазах Каблукова, «истинность» позиции зависит от принадлежности к определенной группе.

Пришвин также не может обойти проблему «рухнувших» ценностей литературного сообщества (хотя и не отождествляет ее с конкретной идеологией) и отказаться от принадлежности к какой-либо группе. В отличие от Каблукова он не перемещается между сообществами, но модифицирует саму ценность культуры – переносит мечту о будущем возрождении с воспитания и «разгадки» народа на самосохранение интеллигенции. В 1924 г. в Париже его земляк И.А. Бунин, произнося речь на вечере, посвященном миссии русской эмиграции, высказывает довольно схожую мысль².

¹ Такой удар по представлениям, сформированным литературой, нанесен в отечественной истории не в первый раз. М. Могильнер, анализируя миф радикальной интеллигенции, приходит к выводу, что разочарование в событиях 1905 г. способствует разрушению образа революционера; вместо него появляется герой-индивидуалист. На последних страницах своей работы исследовательница высказывает предположение: в 1917 г. происходил «конфликт между “людьми истории” и “людьми мифа”» [Могильнер, 1999, с. 206]. Нам же кажется, что механизмы беллетризации жизни очень глубоко проросли в русской культуре. Возможно, ресурсом для создания если не единого мифа, то довольно распространенного способа концептуализации действительности могла стать литература XIX в.

² Имеется в виду знаменитый финал речи Бунина, в котором писатель говорит о необходимости дождаться возрождения России, сохранив при этом культуру страны: «И только ей одной <России> поклонюсь я, в день, когда Ангел

Хотя Каблуков и Пришвин разрабатывают индивидуальные стратегии преодоления этого кризиса с помощью литературных образов, но, как нам кажется, в той или иной мере эти стратегии отражаются и в других явлениях эпохи. Для М. Горького, как и для Пришвина, важно заявить о ценности культуры в новом мире, но его цель – синтезирующий проект (он мыслит литературу, скорее, вне сообществ): приобщение рабочего к культуре поможет искоренить его низменные инстинкты, корни которых писатель видит в рабском укладе старой жизни. Радищев, Пушкин, Герцен, Чернышевский, Белинский, Некрасов остаются у него предвестниками революции, а их идеализация народа представляется необходимой в сумрачные времена [Горький, 1990, с. 186–187]. Он создает не образ культуры как инструмента связи с прошлым (в таком случае у нее будут отрицательные коннотации), но культуры как инструмента воспитания. Впрочем, по утверждению Горького, писатели и раньше говорили от имени русской литературы о неприглядном лице народа: речь идет, прежде всего, о Г.И. Успенском, А.П. Чехове и Бунине [Горький, 1990, с. 134]; вина в таком случае лежит на реципиенте, а не на литературе в целом.

Что до официальной точки зрения, то в 1920-х годах, как мы знаем, были провозглашены идеи ускорения «темпа» жизни и ориентации на рост производительности труда. Каблуков и Пришвин при всем своем неприятии новой системы все же в определенном смысле остаются в рамках модернистского представления о будущем: обоим мерещится избавление в своего рода «грядущей революции» (возвращение «святой Руси» или возвеличивание старой интеллигенции). Кроме конкретного образа будущего важным различием здесь становится характер его приближения. Если рабочий, в своем идеальном «гастевском»¹ варианте, овладевает временем

отвалит камень от гроба ее. Будем же ждать этого дня. А до того, да будет нашей миссией не сдаваться ни соблазнам, ни окрикам. Это глубоко важно и вообще для несправедливого времени сего, и для будущих праведных путей самой же России» [Бунин, 1924, с. 6]. На вечере также произносили речи А.В. Карташёв, И.С. Шмелёв, Д.С. Мережковский, Н.К. Кузьман, И.Я. Савич.

¹ В идеях ученого и педагога А.К. Гастева (1882–1939) отразилась одна из актуальных моделей производства того времени, сосредоточенная на повышении производительности труда за счет эффективного использования времени каждым рабочим. См.: *Гастев А.К.* Как надо работать : как изобретать. – Москва : [Центр.

(он – активный участник процесса), то в текстах Каблукова и Пришвина повторяется мотив ожидания¹. В этом плане весьма условно их тексты можно соотнести с религиозными моделями ожидания мессии. Такое представление о времени сильнее выражено в дневнике Каблукова, у которого стремление вернуть прошлое сопровождается его идеализацией; от веры в поступательный прогресс он обращается к циклической модели времени. К 1917 г. уверенность Пришвина в прогрессивном характере исторического развития ослабла по сравнению с его мировоззрением рубежа XIX–XX вв. С концом старого мира он примиряется, подчеркивая сходство до- и послереволюционного периодов. Однако прошлое у него не столько идеал или пророчество, сколько исторический опыт (литературный опыт при этом часто равноценен историческому). Если настоящее время и деятельное участие в современной жизни для Каблукова почти утрачивают смысл, то Пришвин, критикуя большевистскую, как он считает, устремленность в будущее, провозглашает ценность изображения настоящего момента, которое всегда главенствовало в его очерковых произведениях.

Обобщая, скажем, что потребность в словесных произведениях, формирующих ценности сообщества и направляющих его будущее развитие (в том числе и социально-политическое), осталась отчасти и у представителей русской эмиграции и, конечно, у деятелей советской печати. Если в новом советском государстве одной из важнейших персоналий в истории литературы стал Некрасов, а переиздание «Бесов» почти прекратилось, то в кругах религиозных философов за рубежом (при всей индивидуальности их концепций) расцвел культ Достоевского.

Список литературы

1. Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2002. – 234 с.

ин-т труда], 1922. – 46 с.; *Гастев А.К.* Нормирование и организация труда : (Общее введение в проблему). – [Москва] : Книгоизд-во ВЦСПС, 1929. – 117 с. и др.

¹ Эта тема заслуживает отдельного обсуждения. Один из ее аспектов рассмотрен в диссертации Е.Ю. Кнорре, где проведена параллель между пришевским представлением о будущем обществе-коммуне и представлениями его современников [Кнорре, 2019, с. 199–215.].

2. *Алексеев М.П., Алексеева Н.В.* Комментарии : И.С. Тургенев. Сфинкс // Тургенев И.С. Полное собр. соч. : в 30 т. – Москва : Наука, 1982. – Т. 10. – С. 504–505.
3. *Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Из глубины : сборник статей о русской революции. – Москва : Издательство Московского университета, 1990. – С. 55–90.
4. *Борисова Н.В.* «Безнадёжно... висим над бездной...» Революционная повседневность 1918 года в дневнике М.М. Пришвина // История : факты и символы. – 2018. – № 3 (16). – С. 15–28.
5. *Бунин И.А.* Миссия русской эмиграции (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля) // Руль. – 1924. – № 1013. – С. 2–6.
6. *Бунин И.А.* Полное собрание сочинений : в 13 т. – Москва : Воскресенье, 2006. – Т. 6. – 488 с.
7. *Варламов А.* Пришвин. – Москва : Молодая гвардия, 2021. – 548 с. – (ЖЗЛ).
8. *Гиппиус З.Н.* Петербургские дневники, (1914–1919) / предисл. и прим. к тексту Н.Н. Берберовой. – Нью-Йорк : Орфей, 1982. – 285 с.
9. *Горький М.* Несвоевременные мысли : заметки о революции и культуре / [вступ. ст., публ., подгот. текста и коммент. И. Вайнберга]. – Москва : Советский писатель, 1990. – 400 с.
10. *Гуськов Н.А.* От карнавала к канону : русская советская комедия 1920-х годов. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 2003. – 212 с.
11. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. – Ленинград : Наука, 1974. – Т. 10: Бесы. Роман в 3 ч. / подгот. текста Н.Ф. Будановой. – 519 с.
12. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. – Ленинград : Наука, 1986. – Т. 29, кн. 1: Письма, 1869–1874 / отв. ред. В.Г. Базанов и др., подгот. текста и сост. прим. А.В. Архипова и др. – 573 с.
13. *Достоевский Ф.М.* Ряд статей о русской литературе. 1. Введение / подгот. текста, прим. В.А. Туниманова // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений : в 15 т. – Ленинград : Наука, 1993. – Т. 11. – С. 12–46.
14. *Каблуков С.П.* Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1909-й / вступ. ст., публ. и коммент. Е.М. Криволаповой // Литературоведческий журнал. – 2012. – № 31. – С. 178–342.
15. *Каблуков С.П.* Дневник Сергея Платоновича Каблукова. Год 1917 / предисл., публ. и коммент. Е.М. Криволаповой // Литературоведческий журнал. – 2009. – № 24. – С. 138–234.
16. *Каблуков С.П.* О.Э. Мандельштам в записях дневника и переписке С.П. Каблукова // Мандельштам О. Камень / подгот. Л.Я. Гинзбург, А.Г. Меца, С.В. Василенко, Ю.Л. Фрейдина. – Ленинград : Наука, 1990. – С. 241–258. – (Лит. пам.).
17. *Кнорре Е.Ю.* «Сквозь толщу катастрофы» : мотив обретения небесного отечества в усадебном мифе М. Пришвина и С. Дурылина в дневниках периода гражданской войны (1918–1922) // Новый филологический вестник. – 2023. – № 3(66). – С. 178–189.
18. *Кнорре Е.Ю.* Идеал нового «мы» в дневниках и художественных произведениях М. Пришвина 1914–1928 гг. // Соловьевские исследования. – 2015. – № 3 (47). – С. 130–142.

*«Литературные» стратегии концептуализации событий 1917 г.
в дневниках революционной эпохи*

19. *Кнорре Е.Ю.* Образ идеальной революции : «китежский текст» в творчестве М. Пришвина, С. Есенина, Н. Клюева в период революции и Гражданской войны // Перелом 1917 года : революционный контекст русской литературы : исследование и материалы / отв. ред. В.В. Полонский, ред.-сост. В.М. Введенская, Е.В. Глухова, М.В. Козьменко. – Москва : ИМЛИ РАН, 2017. – С. 247–258.
20. *Кнорре Е.Ю.* Сюжет «пути в Невидимый град» в творчестве М.М. Пришвина 1900–1930-х гг. : дис. ... канд. филол. наук / ИМЛИ РАН. – Москва, 2019. – 300 с.
21. *Криволапова Е.М.* Жанр дневника в наследии писателей круга В.В. Розанова на рубеже XIX–XX веков : автореф. дис. ... докт. филол. наук / ИНИОН, РАН. – Москва, 2013. – 48 с.
22. *Лебина Н.* Советская повседневность : нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – Москва : НЛЮ, 2015. – 488 с.
23. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи : в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – 479 с.
24. *Могильнер М.* Мифология «подпольного человека» : радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. – Москва : НЛЮ, 1999. – 208 с.
25. *Подоксенов А.М.* И.А. Бунин и М.М. Пришвин об исторических уроках революции и гражданской войны (По материалам дневников и публицистики) // Иван Бунин : филологический дискурс : коллективная монография. – Елец : ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. – С. 131–148.
26. *Пришвин М.М.* Дневники, 1920–1922 гг. / подгот. текста Л.А. Рязановой; коммент. Я.З. Гришиной, В.Ю. Гришина. – Москва : Московский рабочий, 1995. – 336 с.
27. *Пришвин М.М.* Дневники, 1918–1919 / подгот. текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; коммент. Я.З. Гришиной. – Санкт-Петербург : ООО «Издательство “Росток”», 2008. – 560 с.
28. *Розанов В.В.* Собрание сочинений : в 30 т. / под общ. ред. А.Н. Николюкина. – Москва : Республика, 2000. – Т. 12: Апокалипсис нашего времени. – 432 с.
29. *Святославский А.В.* Свобода и необходимость : Михаил Пришвин о мастерстве писателя в контексте литературного процесса 1920–40-х гг. // Русская словесность. – 2018. – № 3. – С. 17–24.
30. *Шингарев А.И.* Как это было : дневник А.И. Шингарева. Петропавловская крепость, 27.11.17. – 5.01.18 / изд. Комитета по увековечению памяти Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева. – Москва : Типолитография Товарищества Н.Н. Кушнерев и Ко, 1918. – 68 с.
31. *Эткнд А.М.* Хлыст : секты, литература и революция. – Москва : НЛЮ, 2013. – 344 с.
32. *Williams R.C.* The Russian revolution and the end of time : 1900–1940 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. – 1995. – Bd. 43, N. 3. – P. 364–401.